Krasnaia Letopis

КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПЕТРОГРАДСКОГО БЮРО КОМИССИИ по ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ и РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

№ 8

1923

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА . . . . 1923 . . . . ПЕТРОГРАД

ПОДГОТОВЛЯЕТСЯ К ПЕЧАТИ № 9

„КРАСНОЙ ЛЕТОПИСИ"

СЛЕДУЮЩЕГО СОДЕРЖАНИЯ:

I. Статьи и воспоминания:

ЭПОХА РЕАКЦИИ:

1. **Р. Арский.** Эпоха реакции в Петрограде.
2. **Н. Плюснина.** 1906—1907 г.г. в рядах Петербургской соц.-дем. военной организации и в тюрьме.
3. **Ал. Леонтьев.** Из прошлого.
4. **В. Красильников.** За Московской заставой.
5. **А. Рымкевич.** Из минувших дней.
6. **Г. Равелин.** Из воспоминаний рабочего.
7. **Н. Кингин.** Учредительный съезд с.-д. ж.-д. организаций Ряз.-Ур. ж. д.
8. **А. Белобородов.** Из истории партизанского движения на Урале.
9. **Б. Струмилло.** Материалы о Дм. Богрове.

1914—1916 г.г.

10. **С. Богомепов.** Заметки о партработе в 1913—17 г.г. (о технике Петерб. К-та Р.С.-Д.Р.П.).
11. **Л. Леонтьева.** Из воспоминаний о „Межрайонке".
12. **Ю. Новин.** Из материалов о партработе 1914 г.
13. **Ал. Иванов.** На Путиловском заводе во время войны.
14. **А. Иванов.** Волнение в 181-м запасн. пех. полку в 1916 г.
15. **Р. Ковнатор.** Накануне февраля.
16. **В. Быстрянский.** Материалы из истории партработы в Сибири в период империалистической войны.
17. **Ал. Попов.** Забастовка 1914 г. в Баку.
18. Из нелегальной литературы 1914—1916 г.г. Прокламации Петерб. К-та Р. С.-Д. Р. П. (больш.), Петроградск. Междурайонного К-та Р. С.-Д. Р. П., №№ 1—4 „Пролетарского Голоса".
19. **Ш. Левин.** Материалы для истории социалистической прессы в годы империалистской войны („Наш Голос", „Голос Труда" и „Голос").

НА КАТОРГЕ И В ССЫЛКЕ.

20. **В. Андреев.** К истории Дроновского бунта.
21. **А. Черницкий.** К истории Псковского Централа (Петруша Черниловский).
22. **Семен Иванов.** На каторге в 1906—1916 г.г.

II. Материалы и сообщения:

23. **Н. Сергиевский.** Федосеевский кружок 1888—1889 г.г. (Окончание).
24. **В. Святловский.** О професс. прессе еврейского пролетариата (1896—1922 г.г.).
25. **Д. Сверчков.** Родословная Петерб. Совета Рабочих Депутатов.

III. Библиография:

26. **Г. В.**—„Федосеев, Николай Евграфович". (Сборник воспоминаний).
27. **А. Славский.**—„Революционная борьба в Гомельской губернии (Сборник).
28. **Б. Ст—о.**—„Л. Мануйлов—„Печали и радости моей жизни", и друг.

Петроградское бюро комиссии по истории Октябрьской Революции и Российской Коммунистической Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

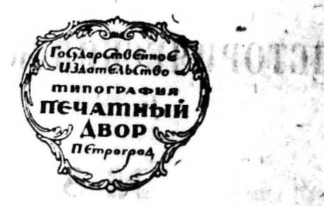
КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА · · 1923 · · ПЕТРОГРАД

Гиз. № 6184. Петрооблит № 5969. 1—29/V—1923. Отпеч. 6.000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ.

№ 8.

I. Статьи и воспоминания.

II. Материалы и сообщения:

По независящим от редакции техническим причинам настоящий № «Красной Летописи» выходит в свет в значительно сокращенном виде.

Редакция.

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ.

1.

Быстро развивавшееся профессиональное движение шло рука об руку с предъявлением различных требований хозяевам, что—в силу противоречия интересов труда и капитала—не могло, в конце концов, не вызвать сопротивления со стороны предпринимателей: хозяева открыли контр-борьбу, начали рассчитывать обнаруженных ими в своих предприятиях членов союзов, объявляя их зловредными крамольниками, «забастовщиками». Случаи расчета рабочих за одну только принадлежность к легальному профессиональному союзу были весьма многочисленны. Впрочем, вскоре, увидев, что такого рода «меры» были бессильны остановить всё возраставшее движение, предприниматели решили сами *объединиться* и притом исключительно *в целях борьбы с рабочими и их союзами.*

Торговцы, владельцы типографий, хозяева-портные, не говоря уже о фабрикантах и заводчиках, привыкших к единению в силу идущего с 80-х годов синдикатского движения в крупной промышленности, к концу 1905 г. начали принимать меры для создания особых *контр-коалиций против рабочих.* Часто организации возникали у борющихся сил параллельно: в то время, напр., как союз приказчиков предпринял первые шаги по введению праздничного отдыха в различных специальных отраслях торговли, среди торговцев был возбужден вопрос об организации купеческого союза в целях борьбы с союзом приказчиков и с ненавистным для хозяев праздничным отдыхом. При подобных же условиях происходило объединение хозяев-портных в Варшаве, Двинске, Москве, Петербурге и пр. Забастовка булочников-пекарей в Петербурге вызвала временную организацию владельцев булочных и кондитерских. Усиление союза кожевенников в Вильне вызвало образование соответствующего союза хозяев и т. д.

Вскоре для борьбы с рабочими начали созываться специальные *съезды предпринимателей.* Так, в Вильне в 1906 году собирались кожевенно-заводчики, в Лодзи—мануфактуристы, в Варшаве—башмачники, в Петербурге—металлозаводчики, и т. д. По мере усиления правительственной реакции, хозяева стали выступать всё более и более активно. Стремясь вернуть условия труда к положению, бывшему до октябрьских дней, хозяева, вместе с тем, прибегали к мерам, которые прежде не могли бы найти поддержки

На 3-ем съезде партии в 1906 г. была принята резолюция о желательности содействия со стороны партии професс. движению, но осталось невыясненным, в каких формах может выражаться это содействие, какие виды професс. объединения должны поддерживаться партией и какие задачи партия должна при этом преследовать. Эти вопросы о формах содействия професс. движению центр. комитет осветил в особом обращении [1]). Профессиональное объединение рабочих необходимо для материального и культурного подъема рабочих, и в содействии такому объединению партия должна преследовать осуществление культурно-политической, а не партийно-политической задачи. Профессиональные союзы представителей наёмного труда должны быть, поэтому, внепартийными организациями, независимо от существующих политических партий.

На четвертом съезде к.-д. партии вопрос о профессиональном рабочем съезде обсуждался более подробно. Докладчик заявил, что, кроме непосредственного участия членов партии в союзах, в целях содействия професс. движению, по мнению докладчика, желательно было бы организовать повсеместно особые «бюро содействия объединению труда», которые стояли бы вне професс. союзных организаций и вне партийных учреждений и состояли из лиц, интересующихся професс. движением, без различия их принадлежности к той или иной политической партии.

Совещанием после обмена мнений было признано, что развитие профессиональных организаций представителей наемного труда есть дело первостепенной важности; оно содействует углублению и укоренению демократического движения в стране и тем обеспечивает ее культурный рост; что професс. движение в России, находясь еще в зачаточном состоянии, нуждается в дружном сотрудничестве всех демократических элементов и что по существу своих задач професс. организации трудящихся должны быть организациями внепартийными. Далее, совещание нашло, что деятельное участие членов конст.-дем. партии в профессиональном движении может быть весьма полезным для этого движения и может содействовать укреплению за ним внепартийного характера и что содействие профессиональному движению со стороны партии может выражаться как в непосредственном участии членов партии в самих союзах, так и в организации особых внепартийных «бюро содействия объединению труда».

Все эти пожелания оставались на бумаге, и партия к.-д. ни в одной из дум не вспомнила о рабочих. Единственною ее лептою была выработка особого законопроекта о рабочих союзах.

С.-Р.

Что касается *социал-революционеров*, то они непосредственно входили в профессиональное движение. В целом ряде городов ими было организовано по несколько союзов, которые кое-где некоторое время оставались под их руководством. Среди петербургских союзов—союзы железнодорожни-

[1]) Воззвание: «К родине», см. № 2 «Вестника партии народной свободы» за 1906 г.

ков и служащих в осветительных предприятиях были союзами с.-р. В Москве они организовали паркетчиков и трубочистов. В г. Рязани ими были организованы все союзы. В Ялте при мне был организован местною группою социал-революционеров союз портовых рабочих, в Симферополе—союз, кажется, слесарный. Соц.-рев. участвовали и в центр. бюро професс. союзов. Так, в октябре и ноябре в петербургском центральном бюро официально присутствовало два с.-р. (д-р Фейт и Авксентьев), то же я видел в Симферополе и в Ялте, где пять из одиннадцати союзов были с.-р. Малочисленность интеллигентных деятелей, нерасположение их к вопросам специфической пролетарской борьбы, неумение жить жизнью городского рабочего, а, особенно, непонимание классовой точки зрения—лишало с.-р. успеха среди рабочих и, особенно, среди рабочих, входивших в состав союзов. Правда, с развитием профессионального движения струйки с.-р. течения кое-где пробивались, но они редко вели к сепаратизму. По моим наблюдениям, соц.-рев. всегда были хорошими товарищами в совместном деле и «палок в колеса» не клали. Зимою и весною 1907 года, с усилением в Петербурге этой партии, в половине петербургских союзов имелись небольшие с.-р. группы, собиравшиеся несколько раз на совещания. Последние походили на своего рода ц. б. с.-р. организаций. В марте, в виду репрессий, сильно задевших главных деятелей, эти совещания прекратили свое существование.

С.-Д.

В совершенно иных условиях работала *социал-демократическая партия*, многолетний агитатор и организатор пролетариата России. Еще Женевская меньшевистская конференция рекомендовала вниманию партийных деятелей рабочие организации. То же сделал и 3-й всероссийский съезд партии. Осенью 1905 года в недрах каждого из союзов мы видим в роли агитаторов, пропагандистов, секретарей и пр. многих представителей меньшевистского направления. Но они работали без организационной связи с партиею, так сказать, кустарно. Вместе с тем, они с первых же шагов придали своим организациям беспартийный характер. Факт, что социал-демократия отказалась дать свое имя воспринятому и вскормленному ею детищу,—навсегда останется фактом.

Только позднее, в 1907 году, Ц. К. партии решился сделать официальные организационные шаги. Была создана «особая профессиональная комиссия» при Ц. К. Эта комиссия издала циркуляр, возвещавший о придании профессиональному движению социал-демократического характера. Это дало формальное оружие в руки реакции и способствовало депрессии профессиональных союзов.

Для выяснения же принципиального отношения соц.-демократии к профессиональным союзам необходимо обратиться к постановлениям ее съездов.

Первый партийный съезд, который серьезно занялся вопросом о профессиональных союзах (Стокгольм, 1906 г.), всецело стал на меньшевистскую

точку зрения и в резолюции решительно высказался *за политическую нейтральность* профессиональных союзов.

«Объединенный Съезд Российской социал-демократической рабочей партии» принял следующую резолюцию, выработанную меньшевиками при участии редакторов «Искры»:

«Принимая во внимание: 1) что профессиональное движение является необходимым составным элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы—таким же элементом классовой организации пролетариата;

2) что по существу преследуемых ими целей профессиональные союзы должны стремиться к организации самых широких пролетарских масс;

3) что в частности среди российского пролетариата замечается широкое стремление к профессиональным организациям;

4) что экономическая борьба может привести к прочному улучшению положения рабочих масс и к укреплению их истинно классовой организации лишь при условии правильного сочетания ее с политической борьбой пролетариата;

5) что профессиональные союзы в атмосфере революционной эпохи, помимо защиты экономических интересов рабочего класса, втягивают пролетариат в непосредственную политическую борьбу и содействуют широкой организации и политическому объединению рабочего класса;

6) что в этой же революционной атмосфере рабочие массы, организуясь и политически объединяясь, всё более и более становятся под знамя социал-демократии,—

Съезд признает: 1) что партия должна поддерживать стремление рабочих к профессиональной организации и всеми мерами содействовать образованию *беспартийных* профессиональных союзов;

2) что в этих видах, пользуясь всеми легальными возможностями и, в частности, законом о профессиональных союзах, следует непрерывно расширять легальные рамки, неуклонно борясь за полную свободу союзов;

3) что в союзы должны вступать все члены партии, принимая активное участие во всей деятельности союза и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы органически в борьбе и агитации связать союзы с партией».

На этом же Съезде были вынесены резолюции об организации профессиональных союзов по национальностям и об условии слияния партии с социал-демократией Польши и Литвы. По первому вопросу Съезд кратко, категорически и решительно высказался против принципа организации профессиональных союзов по национальностям. По второму важнейшие три пункта дословно гласят следующее:

1) С.-Д. Польши и Литвы есть территориальная организация Р. С.-Д. Р. П., ведущая борьбу среди пролетариата всех национальностей ее района и объединяющая деятельность всех партийных организаций на этой территории.

2) В районе своей деятельности С.-Д. П. и Л. самостоятельно разрешает все вопросы, касающиеся способов агитации и форм организации, а также определяет свои отношения к другим партиям, действующим лишь на той же территории.

3) С.-Д. П. и Л. сохраняет в пределах своей деятельности право самостоятельного разрешения вопроса об отношении профессиональных союзов к партийной организации.

Резолюции Стокгольмского Съезда завершили всю историю отношений социал-демократии к рабочим организациям.

Зимою 1906—7 года партией был сделан отмеченный выше поворот. Верховный коллектив партии решил объединить и централизовать социал-демократическую работу на местах. С этой целью Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии обратился ко всем партийным организациям со следующим письмом, которое приводим in extenso:

«Товарищи! профессиональное движение в течение последнего года развивается всё быстрее и быстрее; профессиональные союзы перерастают уже рамки местных организаций; на очереди становится вопрос об их всероссийском объединении. Перед социал-демократами, работающими в области профессионального движения, выдвигаются, таким образом, всё новые и более сложные задачи. Хотя острый политический момент требует от партии массы сил и средств, русские социал-демократы не только не прекращают своей работы в области экономической борьбы и профессиональной организации пролетариата, наоборот, усиливают ее, поддерживая славные традиции российской социал-демократии, которая, по справедливости, может считаться родоначальницей русского профессионального движения. И об этом всё более усиливающемся интересе к профессиональному движению свидетельствуют запросы местных работников, поступающие за последнее время в Центральный Комитет. К сожалению, приходится констатировать, что работа социал-демократов на местах не всегда носила единообразный характер. Единственным руководством могла служить лишь резолюция, принятая на объединительном конгрессе в Стокгольме, но она давала лишь общие принципы, которые на местах толковались различно. Отдельные организации, а то и отдельные члены их вели работу—плохо ли, хорошо ли—на свой риск и страх. Только в последнее время делаются попытки среди партийных работников на особых конференциях столковаться друг с другом и поделиться общим опытом.

Принимая во внимание все выше сказанное, Центральный Комитет пришел к заключению, что необходимо организовать особую Профессиональную Комиссию при Ц. К., которая могла бы взять на себя удовлетворение указанных запросов. Собирание партийного опыта, объединение и согласование работы социал-демократов в профессиональных союзах, подготовка материалов для решения отдельных вопросов профессионального движения в согласии с общими задачами партии, критика и разработка законопроектов по рабочему законодательству и профессиональному праву — таковы главные задачи Профессиональной Комиссии. Сообщая местным партийным организациям о ее возникновении, Ц. К. просит всех партийных работни-

ков профессионального движения доставлять ей все необходимые сведения, равно и обращаться со всеми запросами, касающимися профессионального движения.

Центральный Комитет не сомневается, что товарищи оценят всю серьезность указанных задач. Только в этом случае, только при полной согласованности в действиях отдельных организаций и их членов в области профессионального движения российская социал-демократия сумеет сообщить русскому профессиональному движению еще больший размах и укрепить в нем сознание общих классовых задач всего российского пролетариата. За справками и сообщениями обращаться по обычным адресам Центрального Комитета».

Базируясь всецело на этом документе, реакция и воздвигла на союзы гонения.

Отголоском отмеченного переворота явилась резолюция, принятая на Лондонском Съезде партии весною 1907 года.

По вопросу о профессиональных союзах Лондонский Съезд 1907 года без прений, но при протестах меньшевиков, принял следующую резолюцию: «Подтверждая резолюцию объединительного съезда о работе в профессиональных союзах, съезд напоминает партийным организациям и социал-демократам, работающим в профессиональных союзах, об одной из основных задач социал-демократической работы в них — содействие признанию профессиональными союзами идейного руководства соц.-дем. партии, а также установлению организационной связи с ней и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Здесь же уместно будет отметить развитие взгляда на взаимоотношение партии профессионального движения в «Бунде», партии еврейского пролетариата. На 7-й конференции Бунда, происходившей в 1906 г., вопросы профессионального движения занимали выдающееся место. Конференция вынесла следующую резолюцию о профессиональных союзах: «Принимая во внимание, что профессиональные союзы, поскольку они замыкаются в тесные рамки узкого профессионализма или увлекаются на путь революционного синдикализма, не могут выполнить своих задач в качестве орудия классовой борьбы пролетариата; что опасность увлечения в сторону узкого профессионализма или революционного синдикализма увеличивается при оторванности профессиональных союзов от социал-демократии, руководящей классовой борьбой пролетариата во всем ее объеме; исходя, далее, из того, что так называемые нейтральные профессиональные союзы, стремящиеся объединить всех рабочих данной профессии, независимо от их отношения к классовой борьбе пролетариата, либо обречены на раскол вследствие возникающих внутри союза коренных, принципиальных противоречий, либо стараются затушевать эти противоречия в интересах целостности союза, тормозя таким образом развитие классового самосознания пролетариата; принимая во внимание,—с другой стороны,—что политической партии пролетариата, лишенной тесной связи с его экономической борьбой, грозит опасность одностороннего увлечения парламентской (политической) деятельностью и переоценки ее значения в общей борьбе пролетариата, конференция признает, что лишь тесная связь между профессиональными союзами и социал-демократией может обеспечить правильное и всестороннее развитие классовой борьбы пролетариата. Конференция полагает также, что связь между профессиональными союзами и соц.-дем. партией должна выражаться в следующем:

1) Члены профессиональных союзов должны признавать принципы классовой борьбы в их применении к профессиональному движению и руководство социал-демократии в этой области.

2) Партия посылает на съезды профессиональных союзов, в их местные и центральные бюро, как и в их Ц. О., своих представителей с правом решающего голоса».

Наконец, конференция рекомендует «в тех местах, где и другие соц.-дем. организации стоят на точке зрения социал-демократичности профессиональных союзов, устраивать общие союзы с представительством в них от каждой из этих организаций».

В таком же духе была составлена и резолюция о национальных секциях в профессиональных союзах:

«Принимая во внимание, что профессиональные союзы только тогда могут успешно вести экономическую борьбу, когда они объединяют рабочих определенных профессий без различия пола, вероисповедания и национальности; что в задачи профессиональных союзов, кроме непосредственной борьбы за улучшение экономического положения рабочих, входит также культурная работа среди членов союза и что в этой деятельности союзы необходимо должны считаться с национальными особенностями различных частей пролетариата, — конференция признает необходимым устройство с этой целью национальных секций внутри общих союзов».

Известно, что позиция, занятая Бундом, впоследствии претерпела изменение: бундовские союзы стали стремиться к партийной нейтральности, а местное профессиональное движение—к освобождению от той расслабленности и дезорганизации, которую вносила наличность множества национальных организаций.

Необходимо упомянуть еще об одной точке зрения, которая начала было у нас распространяться—это именно о синдикалистской. В Одессе и Москве, отчасти в Петербурге, появились приверженцы этого направления, и выразителем их идей являлся крохотный московский журнал «Союзное Дело».

Позднее несколько большевиков[1]) также примкнули к этому направлению, но оно не развернулось даже в течение, а явилось одним из легких модернистских налётов на рабочем деле России.

---

[1]) Николай («Абрам») Крыленко, «Лаврентий» Гастев и др. *Редакция.*

Что касается отношения самих союзов к партиям, то их тяготение к социал-демократии не подлежит сомнению, что подтверждается следующим фактом:

Московский союз торгово-промышленных «служащих» «В единении—сила» произвел в 1906 г. анкету среди торгово-промышленных служащих: «за кандидатов какой партии намерены вы подать голос» (на выборах во 2-ую государственную думу). Было распространено 15.000 опросных бланков, возвращено к 23 ноября—1.644. Голоса распределились так: за к.-д. 895 ч.; за с.-д. 524; за с.-р. 67; «мирн. обн.»—65; с.-17 окт.—47; «С. р. нар.»—26; «нар. соц.»—20 [1]).

Московский «Союз конторщиков и бухгалтеров» решил при выборах во 2-ую государственную думу голосовать за кандидатов с.-д. р. п. [2].

Московские приказчичьи союзы и общества выбрали 35 человек в смешанную комиссию, по закону 15 ноября, из них: 24 с.-д.; 5 с.-р. и 5 к.-д. [3]).

Петербургский союз рабочих по металлу принял в 1906 году следующую резолюцию: «Только партия пролетариата, отстаивающая до конца его требования, может быть и теперь, и в будущем достойным борцом за наши требования—свободы союзов, стачек и собраний» [4]).

Московский «Союз рабочих по обработке металла», на частном собрании правления, принял следующую резолюцию: «Принимая во внимание, что 1) профессиональные союзы своей деятельностью обнимают только одну сторону пролетарского движения, что 2) тесное взаимоотношение между профессиональными союзами и социал-демократической партией—истинный путь пролетарского движения, что 3) в вопросах, касающихся выступлений всего рабочего класса, социал-демократическая партия и профессиональные союзы должны тесно согласовать свои действия,—правление союза по обработке металла находит, что вопрос о выборах (во 2-ую госуд. думу) есть вопрос, касающийся всего пролетариата, и потому постановляет деятельно и энергично повести предвыборную кампанию, согласуясь с директивами Российской Социал-Демократической Рабочей Партии [5]).

К такому же образу действия призывал своих членов орган союза текстильщиков: «Уже много других профессиональных союзов Москвы, Петербурга и друг. городов высказались, что пошлют в думу только представителей рабочей партии соц.-демократов. В единении рабочих вся их сила. Будем все голосовать за кандидатов Росс. С.-Д. Р. П.» [6]).

Из сказанного ясно, что первая волна легального движения профессиональных союзов в главной своей массе стала на классовую точку зрения, то-есть на точку зрения социал-демократии.

---

[1]) «Жизнь Приказчика», Москва, № 1, ноябрь 1906 г.
[2]) «Жизнь Приказчика», Москва, № 1, ноябрь 1906 г.
[3]) «Жизнь Приказчика», Москва, № 6, январь 1907 г.
[4]) «Рабочий по металлу», СПБ., № 6, 28 ноября 1906 г.
[5]) «Рабочий Союз», № 6, Москва, ноябрь 1906 г.
[6]) «Голос Ткача», № 2, СПБ., декабрь 1906 г.

Для всего до-революционного периода это в то же время обозначало признание меньшевизма, как главного руководящего течения профессиональных союзов. С 1911—1913 годов большевизм впервые начинает играть роль в профессиональном движении, но борьба за гегемонию разыгралась только в 1917 году.

В. Святловский.

От редакции: Данная статья представляет небольшую часть подготовляемого к печати труда автора о професс. союзах. Помещая эту статью, как богатую фактическими данными, на страницах «Красной Летописи», редакция отмечает, что она во многом с автором не согласна.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ И СОЮЗ МЕТАЛЛИСТОВ.

(Продолжение [1]).

II.

15 мая 1907 г. Петербургский професс. Союз Металлистов на втором году своей жизни, наконец, зарегистрирован. После девятимесячного полулегального существования Союз получил возможность снова открыто ставить и развивать свою работу. Казалось бы, металлисты должны быть довольными, должны радоваться. Они получили, наконец, то, чего так долго ждали, за что так долго и много боролись. Присутствие по делам об обществах и союзах капитулировало перед их настойчивой волей и желанием. Еще в феврале Союзу Металлистов было отказано в регистрации. В заседании присутствия определили: за неуказание в уставе порядка уплаты членских взносов, способов полномочия правления и срока созыва общих собраний, в регистрации профессионального общества: «Союз рабочих по металлу» — отказать.

Надо ли говорить, что это постановление являлось простой отпиской, вежливой формой определенного желания администрации не легализовать союз металлистов.

«Рабочий по металлу», № 9, от 17 февраля 1907 г., ссылкой на соответствующие параграфы устава доказал, что все возражения присутствия ни на чем не основаны. Все они отпадают при первом же сопоставлении с уставом. И нужно прямо сказать, что действительной и существенной причиной отказа в регистрации Союзу рабочих по металлу является исключительное административное усмотрение, ставящее свою политику выше законов [2].

И все же устав был еще раз тщательно проредактирован; были пополнены и подчеркнуты статьи, на которые ссылалось присутствие по делам об обществах и союзах в своем отказе Союзу в регистрации. И для присутствия уже не оставалось ничего другого, как или прямо сказать, что Союз Металлистов вообще ни при каких условиях не будет легализован, или зарегистрировать его. Сделать первое — значит аннулировать закон 4 марта 1906 г. А могло ли, имело ли право присутствие сделать это? Конечно, нет. И оно вынуждено было выбрать второе. Таким

[1]) См. № 5 «Красной Летописи».

[2]) Статья «Почему не зарегистрирован Союз рабочих по металлу».

образом металлистами была одержана крупная победа над присутствием. Легализация союза открывала перед ним новые горизонты, должна была значительно усилить его деятельность, дать ему новое направление в работе.

Было чему радоваться, можно было торжествовать по поводу такой важной и крупной победы/Союза.

А между тем в передовице органа союза «Рабочий по металлу», № 15, статья «За право стачек», посвященной легализации Союза Металлистов, мы находим довольно мрачные нотки. В чем дело? Оказывается, общая политическая обстановка, в которой приходилось Союзу существовать, работать и развивать свою деятельность, далеко не внушала ему радужных надежд. Репрессии, сыпавшиеся, как из рога изобилия, па союзы, многочисленные аресты союзных работников, запрещение общих собраний и т. п. — все это создавало некоторую нервозность и настраивало ответственных работников Союза на минорный лад.

Отмечая факт легализации Союза, передовица спрашивает: «На долго ли?» «И даст ли петербургская полиция свободно пользоваться предоставленными нам по закону правами?». И тут же добавляет, что никакими иллюзиями на этот счет Союз не обольщается.—Больше того. — «Если бы даже со стороны полиции и не было вторжения в наши права», — пишет дальше та же передовица — если бы и не было нарушения ею закона 4 марта, — все равно в его рамках мы не смогли бы вполне развернуть своей деятельности. В интересах борьбы нам необходимо объединиться с родственными союзами в других городах. Закон запрещает нам это. Нам необходимо развить широкую агитацию для вербовки новых членов. Сенатское истолкование закона лишает нас права устраивать публичные собрания с этой целью. Словом, куда ни двинешься, везде натыкаешься на перегородку».

Опасения союза были не напрасны. Не успела еще эта передовица увидеть свет, как градоначальник сделал уже первое предостережение Союзу: по городу было вывешено объявление, в котором указывалось, что организация и поддержка Союзом стачки влечет немедленное закрытие Союза.

Таким образом у Союза отнималась одна из важнейших функций его работы, главнейший нерв его деятельности. Союз без поддержки, руководства, регулирования стачечной борьбы рабочих, собственно, перестает уже быть союзом и превращается в кассу взаимопомощи.

Не приходится и говорить, что Союз, несмотря на это грозное предупреждение, не отказался, да и не мог отказаться от руководства стачечной борьбой рабочих. Зато ему приходилось эту часть работы законспирировать, вести нелегально. Особенно трудна была организация пособий стачечникам. Малейшая неосторожность влекла за собою немедленное закрытие Союза. В дальнейшем Союз неоднократно закрывался, главным образом, за поддержку стачечников.

Но не только область экономической борьбы была изъята полицией из ведения Союза, вся деятельность Союза в целом была взята под подозрение, вся она была вставлена в рамки обязательных постановлений.

А между тем работа в рамках обязательных постановлений означала бы для Союза духовную смерть.

Союз естественно стремился расширить эти рамки или даже выйти за пределы их. И на этой почве между Союзом и властью происходила на всем протяжении деятельности Союза глухая, но упорная и длительная борьба. Да иначе и не могло быть. Слишком противоположными, больше того, друг друга исключающими стремлениями руководились в своих взаимоотношениях органы власти и Союз.

В то время, как Союз даже из простого чувства самосохранения делал все, чтобы расширить базу своей работы, втянуть рабочих в круг общественно-политических вопросов и тем самым сделать их опорой своего существования, полиция была заинтересована в диаметрально противоположном. Она, если и терпела Союз, то больше всего благодаря его бессилию, его слабости. И, следовательно, в задачу полиции входило: обставить работу Союза таким образом, чтобы возможно больше сузить размах деятельности Союза, лишить Союз опоры и поддержки рабочих. Органы государственной охраны должны были отнять у Союза право заниматься всем тем, что связывало их с рабочими, представляло интерес для последних. Ей нужно было выхолостить Союз настолько, чтобы он не представлял никакого интереса для рабочих.

И нужно отдать полиции и органам охраны справедливость: они много сделали в этой области, много потрудились над тем, чтобы не допустить объединения рабочих со своей организацией.

В ход были пущены все средства. Помимо обычных запрещенных собраний, арестов и т. п., мы встречаем и такой, несколько странный пример административного давления.

1 августа председатель профессионального общества рабочих по обработке металлов был приглашен в полицейский участок, где ему было объявлено следующее распоряжение градоначальника: «Принимая во внимание, что обсуждение вопросов, затронутых на общем собрании членов проф. общества рабочих по обработке металлов 5 июля в доме № 1 по Гаванской улице, не входило в круг предоставленной о-ву его уставом деятельности и не дозволено законом обществам профессиональным, градоначальник приказал предупредить правление названного общества, что, в случае дальнейших нарушений своего устава, оно будет закрыто. Канцелярия предлагает приставу местной части установить самое строгое наблюдение за деятельностью общества».

А между тем собрание это состоялось с разрешения администрации и в присутствии полиции; обсуждались на собрании исключительно вопросы, поставленные на повестку. Порядок дня собрания обычно утверждался градоначальником. Почему и как тут провинился Союз, видимо, известно лишь одному градоначальнику. А вот и другой, не менее разительный пример из практики административного произвола. В государственной думе обсуждаются законопроекты о социальном страховании рабочих. Союз кровно заинтересован в возможно более лучшей, возможно более

широкой постановке этого страхования. Вокруг страховых законопроектов с 1907 г. разгорается классовая борьба. Собрания и съезды фабрикантов выносят свои резолюции, представляют в министерство и в думу докладные записки по поводу страховых законопроектов, словом, делают все, чтобы лишить рабочих и тех минимальных прав, которые обеспечивались за ними правительственными законопроектами. Казалось бы, вполне законно и желание рабочих высказаться по поводу законопроектов. Но градоначальник был другого мнения на этот счет.

На просьбу Союза в конце 1908 года разрешить ему собрание своих членов для ознакомления с законопроектом государственного страхования рабочих, — правлением профессионального общества рабочих по обработке металлов получено из канцелярии градоначальника извещение следующего содержания:

«Канцелярия градоначальства сообщает, что градоначальник не признал возможным допустить предположенное к устройству 6 декабря в Народном Доме Паниной собрание членов общества рабочих по обработке металлов, с участием представителей от существующих в госуд. думе фракций, для обсуждения законопроектов по государственному страхованию рабочих, в виду того, что публичная деятельность профессиональным обществам законом не предоставлена».

При таком положении вещей, при таком обилии рогаток, деятельность Союза естественно не могла быть широкой, не могла опираться на рабочие массы. Работа стопорилась, органы Союза работали в холостую, Союз замирал. И все же, пожалуй, кризис в союзной работе происходил не столько от полицейских наскоков и придирок, сколько от общего и резкого изменения в общественно-политической обстановке России.

Небывалый промышленный кризис 1906 - 1910 г.г. и неизбежный спутник его—массовая безработица—больно ударили по молодому и не окрепшему еще профессиональному движению. Не обладая ни достаточными средствами для организации взаимопомощи, ни должным влиянием и силой для организации общественных работ [1]) для безработных, Союз, конечно, не мог быть притягательной силой для рабочих, не мог пользоваться необходимым авторитетом среди массы.

Наоборот, эта беспомощность Союза порождала недоверие к нему рабочих, разочарование членов. Начался массовой отлив членов из Союза. В то время, как в январе 1907 г. насчитывалось в петербургском союзе металлистов 10,200 членов, к январю 1911 года цифра эта сократилась до 3,895 членов, т. - е. выбыло из Союза 262% — цифра невозможно большая.

---

[1]) Правда, в 1906 г. Спб. городская дума под давлением безработных и професс. союзов организовала общественные работы, но на них была занята лишь небольшая часть безработных, и продолжалась эта работа менее года. Буржуазия здесь поступила, как и правительство: чуть убедилась, что уже спала революционная волна и ничто больше не угрожает ее существованию, она поспешила прекратить общественные работы.

А если принять еще во внимание, что экономическая депрессия происходила в мрачные годы политической реакции, в обстановке апатии и разочарования, политической пассивности рабочего класса и безудержного наступления царской, чиновничьей бюрократической олигархии, то надо считать вполне понятным, что профессиональное движение вообще, а Союз металлистов в частности — переживали глубочайший период упадка и застоя. И на фоне этого безвременья шаг за шагом начали пробиваться новые веяния и стали прокладываться в профессиональном движении вехи нового течения.

Вначале во имя сохранения Союза стали как можно дальше отгораживаться от партии, затем появилась теория равноценности этих обеих ветвей рабочего движения; а впоследствии, когда была разгромлена партийная организация, и социал-демократия переживала некоторый кризис, в профессиональных кругах оформилось так называемое легалистское, несколько позже ликвидаторское течение.

Легалисты считали, что объективное положение вещей настоятельно диктует необходимость бросить все живые силы партии на легальную, преимущественно—профессиональную работу. Ликвидаторы пошли дальше, они считали уже, что подполье вредит рабочему классу, по существу своему оно реакционно. Партии нет, она должна быть создана на почве борьбы за легальные возможности. Вот постановка вопроса у ликвидаторов. А отсюда вытекала резкая критика подполья, игнорирование постановлений партийных центров, чрезмерное нездоровое увлечение легальными возможностями. И, как следствие этой тактики, в стенах союзов постепенно складывались и выкристаллизовывались русские реформисты-оппортунисты, считавшие, что власть способна эволюционировать, расширить рамки свобод, допустить легальное существование партии. В революции нет надобности, — утверждали ликвидаторы, — да она и невозможна, а всякие разговоры о ней только пугают власть, заставляют ее ощетиниться, противиться реформам. В области профессиональной работы предлагается соблюдать крайнюю осторожность, рекомендуется: высокий членский взнос, возможно более полная взаимопомощь, примирительные камеры и третейские суды вместо забастовок и т. д.

Эти новые ликвидаторские веяния в профессиональном движении нашли свое отражение в докладе московского охранного отделения департаменту полиции.

«Приложение к представлению начальника московского охранного отделения от 18 сентября 1910 года за № 256172.

ЗАПИСКА

Московского охранного отделения о новом течении и тактике Российской социал-демократической рабочей партии в деле воздействия на существующие экономические и профессиональные рабочие институции.

Ряд необыкновенных по размерам и последствиям провалов, дезорганизация партийных учреждений, повальное бегство наиболее серьезных и крупных работников и полная во многих местностях империи невозможность восстановить разрушающуюся работу и приостановить начавшийся, в связи с внутренними раздорами и фракционными неурядицами, развал партии, уже давно озабочивали идейную и особо преданную партийному делу публику и наводили ее на мысль о необходимости коренного пересмотра и реорганизации партийного «дела» вообще, путем изыскания средств и мер к восстановлению или даже полному возрождению Российской социал-демократической рабочей партии.

В начале сентября месяца минувшего года в г. С.-Петербурге были произведены первые попытки к осуществлению этих мыслей на практике и к переходу от слов к делу. Старые социал-демократы, если можно так выразиться «не партийные» (т.-е. оставившие работу в подполье и прекратившие активную связь с местными организациями, но по-прежнему всею душею преданные партии: и «беки» и «меки», без различия), организовали ряд (всего их состоялось три) весьма серьезных по вынесенным резолюциям собраний, в коих приняло участие до 60 лиц, представляющих собою цвет и красу сознательных представителей партии по городу С.-Петербургу.

На этих собраниях было предложено присутствовавшим выяснить, путем совместных обсуждений, какие меры могут оздоровить партию и помочь возрождению таковой на новых, соответствующих духу времени началах.

Надобно заметить, что вся публика, работавшая в указанное время в местных профессиональных организациях и признававшая насущную необходимость рабочему классу принимать участие в общественной и политической жизни страны, в свое время усиленно восставала против руководства профессиональных рабочих институций во внутренней их жизни местными партийными организациями. Теперь же, когда эти организации оказались совершенно дезорганизованными, и массы пролетариата остались

лишенными опытного руководства в наиболее серьезные моменты своей жизни (1 мая; 9 января и т. п.), когда объединение их под тем или иным политическим знаменем является особо необходимым для должного выражения сознательности и солидарности, — эти «не партийные» социал-демократы увидели, что обязанности дезорганизованной партии, руководившей политическим движением рабочего класса, пришлось исполнять, вопреки проводившейся ими в жизнь тенденции, таким внепартийным учреждениям, как Центральное Бюро профессиональных с.-петербургских союзов, и, позднее, «Общество просвещения», коими в указанные дни, для заполнения образовавшегося пробела, размножались и распространялись, якобы от имени партии, соответствующие воззвания и прокламации.

Ряд страстных споров, дебатов, ораторских выступлений разделил посещавшую указанные собрания публику на два неравномерных по числу своих сторонников течения:

«1) Направление ликвидаторского оттенка, ставившее в основу будущей работы по восстановлению и оздоровлению пролетарского дела полное и окончательное уничтожение подполья (долой Ц. К., долой местные коллективы и руководящие органы; окончательный роспуск партии в лице местных подпольных организаций). Согласно предполагавшегося ими проекта, каждый рабочий профессиональный союз, клуб и школа, вечерние и иные лекции и курсы, кооперативы и т. д. должны избрать от себя по одному представителю, кои в своей совокупности и составят в каждой отдельной местности или населенном пункте руководящий орган всего рабочего класса и будут направлять совместно как экономическое, так равно и политическое движение. Для должной гибкости, конспиративности и неуловимости пред оком правительственной администрации означенные руководящие органы выделяют особые исполнительные комитеты, на обязанности коих и лежит вся техническая часть работы.

Означенный проект был предложен одним из ярых представителей чистого профессионального движения и поддерживался исключительно 5-6 его единомышленниками и последователями».

Тут, на-ряду с довольно верной и точной формулировкой позиции ликвидаторства, вкрались некоторые неточности, а может быть просто недоговоренности. Прежде всего это были собрания преимущественно работников легальных организаций и, за очень малым исключением, исключительно меньшевиков. Из большевиков, работающих в легальных организациях в это время, были известны лишь Степан Канатчиков и Роман Малиновский.

Оба они принимали активное участие в этих собраниях и естественно занимали наиболее выдержанную партийную линию. Но, само собою разумеется, не их выступления произвели сдвиг легалистов-ликвидаторов влево.

И, конечно, не потому произошел этот сдвиг, как думает московская охранка, что ликвидаторы испугались, как бы масса не осталась «без опытного руководства в наиболее серьезные моменты — 1 мая и 9 января».

Нет, в рядах меньшевиков в этот период — в конце 1909 г. — наступает уже некоторая реакция против чрезмерного увлечения легальными возможностями. По мере того, как проходят первые ужасы безработицы, как только почувствовалась некоторая устойчивость в положении промышленности и рабочая интеллигенция стала приходить в себя и проявлять интерес к общественно-политической жизни, партийные тенденции в меньшевизме начинали брать верх. Чистые легалисты — абсолютно отрицающие нелегальные формы работы, — последовательные ликвидаторы, убежденные противники старой социал-демократии и поборники новой легальной рабочей партии отступали уже по всей линии под натиском нарастающего рабочего движения.

Жизнь требовала более или менее решительной постановки по целому ряду вопросов общественности, и нельзя было, не рискуя целостью союза, эти вопросы перенести на открытые заседания членов союза или хотя бы правления, и волей или неволей приходилось создавать нелегальный аппарат. А вместе с тем, с каждым днем становилось все яснее, что в рамках русского столыпинского конституционализма немыслимо существование не только, пусть реформистской, легальной рабочей партии, но и мало-мальски связанного с рабочими и отстаивающего и борющегося за их интересы професс. союза. А отсюда вытекала необходимость новой решительной схватки с накренившимся, но еще устойчивым абсолютизмом, мобилизация рабочего класса, революционное выступление масс.

Для всякого мало-мальски разбирающегося в вопросах политики ясно было, что эту работу может проделать и сумеет справиться с ней лишь социал-демократия, связанная неразрывными революционными нитями с рабочими, обладающая и боевым опытом и революционными традициями.

Под влиянием именно этих моментов и происходил сдвиг у ликвидаторов. Победили партийные традиции, но нельзя сказать, что восторжествовала точка зрения последовательных партийцев. Меньшевики-партийцы во имя единства меньшевистских сил сами сдали несколько свои позиции. Наметилась линия компромисса во многом, собственно, повторявшая зады ликвидаторов, союзы еще не чувствовали приближающегося нового революционного подъема, еще барахтались в тенетах ликвидаторов. На собраниях восторжествовала эта ублюдочная позиция. Мы приводим ее полностью в передаче московской охранки [1]).

«2) Второе, преобладающее течение стремилось к возрождению партии и реорганизации партийного дела при условии сохранения подполья и нелегальных социал-демократических организаций. Сторонники названного направления, в доказательство неприемлемости проекта первой группы, выставили следующий аргумент: в среду членов профессиональных союзов

[1]) Там же записка охранного отделения о новом течении и тактике Российской соц.-дем. рабочей партии в деле воздействия на существующие экономич. профессиональные рабочие институции.

в последнее время проникает весьма значительное число рабочих, ничего общего с Российской социал-демократической рабочей партией не имеющих и по своим убеждениям представляющих элементы беспартийные в конкретном значении этого слова; нет сомнений, что от части профессиональных союзов и других рабочих экономических и просветительных учреждений будут избраны в руководящий орган данной местности представителями именно эти беспартийные работники, совершенно не заинтересованные вопросом процветания или гибели социал-демократической идеи и разрешением ее проблемы, почему, при проведении в жизнь предложенного проекта, дело партии наверное окончательно погибнет.

В свою очередь ими, противниками первого течения, был предложен, и подавляющим большинством одобрен, нижеследующий проект: признать для массы возможной и необходимой исключительно лишь легальную работу, в каковых целях использовать уже существующие, а равно и вновь нарождающиеся рабочие учреждения (союзы, кооперативы, школы, кассы взаимопомощи, курсы, лекции, библиотеки, клубы и т. п.), перенеся таким образом в указанные учреждения центр тяжести всей работы. Для того же, чтобы отдельные с.-д., рассеянные по различным профессиональным и экономическим институциям, оставались солидарными и действовали не вразброд, а по известному плану и сообща, создается нелегальная организация, в каковую могут и должны войти лишь «испытанные, прошедшие политическую школу», старые работники, кои по своей принадлежности к нелегальной организации и возьмут на себя исключительное руководство политическою жизнью и движением рабочей массы. Иными словами, партия должна сосредоточить, с одной стороны, свою работу в легальных рабочих учреждениях, оставить свои настоящие, загрязненные провокацией и отжившие формы, и вне таковых сорганизовать очищенную и законспирированную группу испытанных партийных работников, кои и являлись бы органом, предупреждающим возможные при работе в легальных организациях трения и недоразумения и координировали бы в одном направлении и в одно целое все задачи и стремления партии вообще.

Одобренный подавляющим большинством присутствующих, проект этот был предназначен к возможно широкому оповещению в партийной среде и спешному проведению в жизнь вообще. Произведенные в С.-Петербурге аресты 15 ноября 1909 г. и 7 января текущего года, прервали на время работу в означенном направлении, так как в указанные дни были задержаны и административно разосланы в различном направлении наиболее солидные и крупные сознательные представители нового течения.

Подобное же совещание имело место, при незначительном числе участников, летом текущего года и в гор. Москве; предполагается ряд таких же совещаний, но уже в более крупных размерах и осенью сего года, под видом охоты или вообще какой-либо, якобы, увеселительной затеи.

Сторонники названного течения прекрасно сознают ожидающие их трудности при проведении в жизнь задуманной ими ломки партийных начал и знают о том враждебном отношении, какое ожидает их проект со стороны известной части партийных работников данного момента и, главным образом, со стороны тех представителей «верхов» партии, кои сосредоточили в своем распоряжении значительные суммы денег и вряд ли добровольно откажутся от возможности продолжать свое беспечальное существование партийных захребетников. В силу указанных причин предположительно решено выступить с официальным предложением означенного проекта не ранее, чем сторонникам таковового удастся склонить на свою сторону большинство рабочей массы и сознательных представителей настоящей социал-демократической партии.

Во исполнение означенной программы решено использовать благоприятную для данного момента административную высылку крупных социал-демократов из г. С.-Петербурга и заняться повсеместной пропагандой и популяризацией означенного проекта. Имеются положительные сведения, что многие из высланных лиц уже успели навербовать значительные кружки последователей нового течения в местах своего пребывания.

Начальник Московского Охранного Отделения

Полковник *Заварзин.*

Ротмистр *Иванов*».

Мы привели этот весьма любопытный и ценный документ московской охранки целиком, без каких бы то ни было изменений и поправок.

Эта вторая, восторжествовавшая точка зрения, получившаяся от скрещения ликвидаторов с партийцами, фактически превратилась затем в официальную платформу объединенного меньшевизма в до-военный период.

Вместо восстановления старого партийного аппарата, объединения им всех социал-демократически мыслящих революционных элементов и подчинения этому аппарату всех форм легального рабочего движения, меньшевики решили строить нечто иное. «Они задались мыслью сформировать такой подпольный политический организм, каковой, освободившись от опасной фракционной непримиримости и узкой партийной нетерпимости старой революционной интеллигенции, явился бы идейным коррективом и достойным руководителем всех вообще выступлений рабочего класса, направленных в защиту его как политических, так равно и культурно-просветительных требований и задач [1]). Это хоть и Федот, да далеко не тот. Тут нет ни партийного строительства ни партийного руководства, налицо простое техническое объединение работников легальных организаций, хотя бы и социал-демократов.

[1]) Докладная записка московского градоначальника г. товарищу министра внутр. дел штадмейстеру двора его величества, генерал-лейтенанту *Курлову*, от 18 марта 1911 г. № 253963.

Это нелегальное объединение руководящей группы меньшевиков во главу угла своей работы ставило не революционное воспитание рабочих, не пропаганду социал-демократической программы, а более или менее планомерную организацию и руководство общественно-политическими выступлениями професс. союзов и рабочих просветительных обществ.

Вожаком легальных организаций естественно являлся петербургский союз металлистов, как потому, что он объединял наибольшее количество членов по сравнению с другими союзами, так и по тому положению, какое занимала металлообрабатывающая промышленность в общем строе народного хозяйства.

Объединяя даже в самую мрачную полосу реакции около 4 тыс. членов, союз тем самым имел большую внутреннюю силу, которая давала ему возможность отражать удары реакции, бороться за свое существование. Союз, имея такую компактную, для того времени, массу членов, такую организованную силу, не мог бездействовать, быть простым зрителем событий, спокойно подставлять себя под удары реакции. Союз искал выход из окружавшей его трясины разложения, апатии и т. п., напрягал все усилия для того, чтобы найти возможность для приложения своих сил и энергии.

Но что союз мог делать в этот период безвременья, чем мог он заинтересовать своих членов?

Стачечная борьба в Петербурге почти совсем сошла со сцены. И не потому, конечно, что градоначальник издал грозный приказ, запрещающий союзу руководство экономической борьбой рабочих. Нет, забастовки были просто не под силу рабочим. Объективная обстановка: промышленный кризис, безработица—делали забастовку бессильной, превращали ее в холостой заряд, который даже не оглушал предпринимателя. Больше того, сами предприниматели при малейшем протесте рабочих очень часто прибегали к локауту (локауты на заводах Эриксон, Крейтон, Александрова и др.). И у союза не было фактически никакой возможности для борьбы с предпринимателями, объединенными в мощную организацию: «С.-Петербургское Общество заводчиков и фабрикантов».

Можно было заняться взаимопомощью; но для этого нужны были большие средства. А союз едва сводил концы с концами, расходные статьи часто превышали доходы союза. Повысить же членский взнос не представлялось никакой возможности, так как и так союз объединял преимущественно наиболее квалифицированную, сравнительно наилучше обеспеченную, наиболее высоко-зарабатывающую категорию рабочих, и повышение членского взноса грозило окончательно преградить доступ в союз чернорабочим и вообще низко-оплачиваемым рабочим. И союз не решался на такую реформу. Много говорили о взаимопомощи на собраниях, дебатировали, спорили, горячились, а воз фактически остался не сдвинутым с места: взаимопомощь не была расширена.

Заняться культурно-просветительной работой также не представлялось никакой возможности. Полиция считала, что профессиональные союзы не имеют права на эту отрасль работы, в силу закона 4 марта 1906 года об обществах и союзах. И хотя закон об этом ничего не говорил, но для с.-петербургского градоначальника было достаточно и этого молчания: не говорит — значит запрещает. Союзу не дозволялось ничего, что хоть в малейшей бы степени напоминало культпросветительную работу. Запрещались даже отдельные экстраординарные собрания, устраиваемые союзом для членов по вопросам злободневности, как-то: вред алкоголизма, фабричная гигиена и т. п.

При таком положении вещей естественно лозунг участия в общественных съездах приобретал для союза особенно важное значение. Союз смотрел на это участие, как на одну из возможностей для проявления своей самодеятельности. Тут открывалась некоторая возможность, правда, тоже очень и очень ограниченная, дать выход накопившейся в союзе, но замкнутой произволом администрации общественной энергии. А вместе с тем общественные съезды по мнению союза должны были быть также и ареной, откуда союз мог бы разоблачать практику административно-полицейского произвола и призывать рабочих к организации, объединению и борьбе. Таков был практический подход к этим съездам работников союза.

Для ликвидаторов же, являвшихся фактическими главарями питерского професс. движения в период 1906-1911 г.г., общественные съезды были одним из важнейших способов для проявления политической активности рабочих, одной из главных организационных форм нового легального строительства партии.

Первые съезды — съезд народных университетов, съезд по борьбе с проституцией и съезд фабрично-заводских врачей, созванные в самые мрачные годы реакции, в 1908 - 1909 г.г., прошли совершенно без подъема, не всколыхнули ни либеральные круги ни, тем менее, рабочую массу.

Правда, рабочая делегация, и, особенно, представители союза металлистов сумели по ряду вопросов противопоставить буржуазно-демократической точке зрения свой пролетарский подход, вскрыли классовую подоплеку «внеклассовой» науки [1]), поставили во всю ширь вопросы социального страхования и т. д. [2]).

Но весь интерес этой борьбы не вышел за пределы рабочей делегации съездов и небольшого круга наиболее сознательных рабочих. Рабочая масса и даже члены союза прошли мимо этих вопросов, не заинтересовались ими. Некоторое внимание было уделено членами союза при посылке делегаток на съезд по борьбе с проституцией. Впервые в союзе металлистов поднимался вопрос о женском равноправии и впервые на союзной арене появилась работница. Делегаткой на этот съезд, после предварительного обсуждения некоторых вопросов порядка дня съезда на районных

---

[1]) Доклад тов. Яциневича о культурно-просветительных задачах професс. союзов.

[2]) Доклад т. Малиновского о постановке врачебной помощи на спб. фабриках и заводах, на съезде фабрично-заводских врачей в Москве.

делегатских собраниях, была избрана работница завода «Посселя» тов. Наташа (фамилия, к сожалению, неизвестна).

И только последующие съезды: антиалкогольный, ремесленный и 2-й съезд фабрично-заводских врачей, созванные в 1910 и 1911 г.г., в момент намечавшегося уже перелома настроения общества и, особенно, рабочих, произвели известное влияние на общественные круги и отразились на работе союза.

Уже предварительная работа — подготовка к съезду—обсуждалась не в узком кругу правления союза, а была перенесена в районные делегатские собрания. Здесь намечалась предстоящая позиция рабочей делегации на съезды, обменивались мнениями по наиболее существенным докладам, утверждали союзных делегатов.

Рабочие следили уже и за работой съезда и за поведением своей делегации.

Особенно острая борьба разыгралась на антиалкогольном съезде. Тут за исключением крестьян встретились представители всех классов, сословий и групп. Явилось сюда и правительство. Рабочей делегации удалось вскрыть лицемерие правительственного вздыхания о вреде пьянства, обнаружить реакционную сущность духовенства с его организацией обществ трезвости, подвергнуть резкой критике половинчатость «воинствующих» либералов. Делегат союза металлистов тов. *Вас. Чиркин* поставил точки над i. Пьянство исчезнет, заявил он, вместе с капитализмом. Но первым шагом борьбы за рабочую власть является свержение самодержавия.

Правительство, конечно, не могло потерпеть такой дерзости рабочих. Уже перед съездом была произведена некоторая «чистка» профессиональных союзов. В числе арестованных оказался Р. Малиновский, секретарь союза металлистов. А после съезда аресту и высылке подверглись вся рабочая делегация съезда, ряд активных и ответственных работников професс. союзов и Петерб. Комитет большевиков. Из наиболее активных работников союза металлистов были арестованы: председатель союза металлистов *А. Цыневич,* редактор журнала союза металлистов *А. Гинсбург* (Наум), *Вас. Чиркин, Ф. А. Булкин-Семенов* и др.

Но эти аресты почти не повлияли на темп и развитие союзной работы: Союз уже вступил в полосу оживления, и никакие аресты не могли остановить работы. Правда, линия, намеченная меньшевиками, легального строительства партии, при активном участии и содействии професс. союзов еще остается неизменной и неуклонно проводится в жизнь.

От объединения в петербургском масштабе, меньшевики мечтают уже о создании Всероссийского Центра, распространяющегося на разветвленную сеть легальных организаций.

Вот что пишет московская охранка о ремесленном съезде, состоявшемся в 1910 году и на котором опять таки союзы играли крупную роль.

«Первым политическим, имевшим особо знаменательное значение, выступлением группы была подготовка и руководство действиями рабочих на состоявшемся в текущем году в С.-Петербурге ремесленном съезде. Параллельно заседаниям названного съезда ими был сорганизован ряд систематизированных сходбищ чисто партийных элементов из числа явившихся рабочих делегатов, и добыто на этих частных собраниях единогласное всеми признание необходимости переустройства организации, при условии сохранения нелегального руководящего аппарата, неприкосновенности и обязательности социал-демократической программы и непременного, самого тесного и непосредственного объединения легальной (экономически-просветительной) деятельности с работой уже чисто политического (революционного) характера.

Всеми участниками означенных сходбищ было принято обязательство, не ожидая сформирования нормального руководящего центра, подготовлять у себя «на местах» почву к решительному проведению в жизнь намеченных предположений и поддерживать возможно более оживленную и тесную связь, путем корреспондирования и посылки делегатов, с основной с.-петербургской группой [1]).

Помимо организационного плана была намечена и политическая кампания. Там же читаем:

«Задуманный на съезде, в видах испытания степени инертности рабочих масс, проект подачи петиции в Государственную Думу, с требованиями возможно интенсивной борьбы за расширение прав рабочих коалиций, оказался весьма удачным и был принят рабочими кругами с исключительным интересом: образцы петиции размножались и получили широкое распространение, благодаря участникам съезда, даже в провинции».

Конечно, у страха глаза велики. Петиционная кампания так же, как и съездовская, не проникла в толщу рабочих масс, не всколыхнула их. Этой пассивностью и невосприимчивостью массы объясняется, может быть, некоторое ослабление внимания департамента полиции к союзу металлистов.

По крайней мере очередной разгром правления союза в 1911 г., когда были арестованы и высланы Рубцов, Гвоздев, Лабутин и пр., почти не отразился в анналах департамента полиции, так же как и закрытие союза в январе 1912 года.

По видимому, этим двум «ликвидациям» придавали лишь местное значение, и они прошли исключительно через спб. охранное отделение и канцелярию спб. градоначальника.

(Окончание следует.)

Федор Булкин.

---

[1]) Доклад московск. градоначальника тов. мин. вн. дел Курлову, 18-го марта 1911 г., № 253963, Москва.

ВОСПОМИНАНИЯ О ПЕТЕРБУРГСКОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СОЮЗЕ МЕТАЛЛИСТОВ.

(1907 — 1908 г.г.)

В 1907 году открылось василеостровское отделение петербургского профессионального союза металлистов, разместившись в одной из квартир на 7-й линии в доме № 74. Пишущий эти строки работал тогда на петербургском трубочном заводе. Узнав об открытии отделения союза, немедля повел на заводе агитацию среди рабочих за вступление в союз. В течение июня новых членов союза набралось 35 человек из общего числа работавших в то время в заводе около 5000 рабочих. Завербование такого количества членов союза в то время считалось большим завоеванием, так как в договоре на заводе, который рабочие подписывали после революции 1905 года, было сказано, что существование союзных и других рабочих организаций в заводе не допускается, и все рабочие, замеченные в участии в каком-либо сообществе, будут немедленно рассчитываться и предаваться полиции для привлечения к ответственности, как государственные преступники.

В 1907 году на заводе существовала группа рабочих-членов Р. С.-Д. Р. П. большевиков; во главе этой группы стоял тов. Калинин, Мих. Ив., теперешний всероссийский староста. Эта группа выделила подрайонный партийный комитет трубочного завода в составе: А. М. Новоселова, М. П. Куприянова, И. А. Голубева, П. Николаева и Егорова.

Этот комитет первый целиком вступил в ряды членов профессионального союза металлистов и затем повел агитацию за членство в союз как сам, так и через других членов Р. С.-Д. Р. П.

От 35 человек, записавшихся в союз, был избран союзным делегатом Голубев, И. А., а затем, после усиления агитации, в последующем месяце в союзные делегаты прошли Николаев и Егоров, которые стали углублять свою работу в василеостровском отделении союза.

В этом отделении союза усиливались меньшевики и с.-р. Члены союза — большевики были слабы, и для расширения своих знаний в области профессиональной работы они часто обращались к товарищам в партийную организацию за помощью в ознакомлении с профессиональным движением как теоретически, так и практически, для чего использовывали союзное

помещение на 7-й линии, где читались лекции и доклады и вообще происходили собрания по вопросам профессионального движения. Нашими учителями в этом были: Л. Б. Каменев, первый учитель-большевик, затем Ник. Рожков, Сергей Петров. Кроме того, на собраниях этих выступал и некто Наум «Толстый» (так мы прозвали его между собой) и Михаил Томский.

Еще помню работавших в наших рядах Максина, Крестинского, Н. Н., жившего от нас далеко, которых мне приходилось приглашать к нам. Вспоминаю еще одного неутомимого работника — Елену Михайловну. Это был наш районный партийный секретарь. Много помог нам и Богданов, Н. П., в дни февральской революции 1917 г. раскрытый, как провокатор.

Наши знания в области профессиональной работы расширялись, и для того, чтобы использовать союзное помещение, или, как тогда говорилось, использовать легальные возможности, мы провели Голубева районным союзным секретарем в июле того же 1907 года. Вскоре мы продвинули в центральное правление союза от василеостровского района Калинина и Голубева. И только в последующее время в общегородское правление от василеостровского района прошел 1 меньшевик, рабочий, некто В. Каменев.

В 1908 году петербургский союз металлистов несколько раз подвергался репрессиям и был потом закрыт. Вскоре союз возник под новым названием и на новой квартире.

Одно время было так: союз был закрыт, новый еще не разрешили открыть, и правление закрытого союза решило работу продолжать в подполье, собирая и получая членские взносы на 2 месяца взад (так, например, сегодня 10 сентября, а писали во всех книгах условно 10 июля того же года, т. е. временем до закрытия союза).

Репрессиям не было конца: то и дело, что недочет членов правления. Менял свое название и печатный легальный орган союза металлистов: то «Кузнец», то «Металлист», то «Вестник Металлистов», то «Вестник рабочих металлистов», то «Вестник рабочих по металлу», и т. д.

Даже в дни «закрытого» существования союза регулярно созывались собрания делегатов: каждый четверг на Васильевском Острове, а в других районах для таких собраний был свой день.

Собирались, и почти никто не задумывался, что, вот, последует арест.

Новая квартира василеостровского союзного отделения была на Малом проспекте Вас. Острова в д. № 12, в кв. № 3. Комнаты выходили на задний двор, были в первом этаже с окнами против ворот. В помещении союзного отделения имелась чудная библиотека, и в ней публики каждый вечер было полно, в ней шли всевозможные дискуссии большевиков, меньшевиков, с.-р. и синдикалистов. Помню на этих дискуссиях выступал рабочий Балтийского завода Ф. А. Булкин [1], меньшевик, звал вступать

---

[1] Он же Семенов.

Редакция.

в ряды меньшевиков. Ему возражал Калинин: «Слушай, ты говоришь зря, — ведь рабочие-трубочники никогда не могут быть меньшевиками, так как они и перед солнцем стоят слева».

Вспоминаю еще случай, когда рабочие механического завода Рейхеля собирались в Василеостровском районном союзном отделении разобрать свой заводский конфликт. По окончании собрания они вышли из отделения союза на улицу, а их там арестовали поджидавшие их охранники. У одного из арестованных был пакет под мышкой. На этого товарища накинулись сыщики, думали прокламации, а потом оказалось, что сверток этот — ягоды в корзинке.

Ив. Голубев.

ИЗ ЖИЗНИ СОЮЗА ПЕКАРЕЙ.

(Воспоминания булочника-пекаря.)

Я приехал в Петербург в 1901 году, 29 августа со своей женой, которая жила у частных хозяев «одной прислугой». Проходив недели три без места, я, наконец, поступил на работу в пекарню угол Кузнечного и Николаевской ул., к староверу-хозяину Петрову. Работаю в пекарне день, два, три — хозяина не вижу. На четвертый день во время работы «денного товара» в пекарню вошел седой старик с длинной бородой и говорит: «Здравствуйте! Бог на помощь, молодчики!» Все, как по-военному, обернулись лицом к хозяину и, сняв колпаки, низко-преннзко поклонились ему и сказали: «Спасибо». Только я, как новичек, не знал хозяйских порядков, не повернулся лицом к хозяину и не снял колпака, а сказал уже после всех «спасибо». Не довольствуясь этим, хозяин позвал приказчика и, указывая на меня, сказал: «А это, что за человек?». Приказчик ответил: «Этот работает 4-й день». — «Только, — заметил на это старик, — ну и пущай еще погуляет и узнает, как нужно работать у Петрова». И не успел я отработать «товар», а мне выносят расчет, и я опять остался без дела.

Вскоре я встал на работу в пекарне на Невском у Ершова, где проработал только недели три, — хозяин узнал, что у меня в Петербурге есть жена, и дал расчет. Итак, кочуя из пекарни в пекарню, я работал до 1905 года, где месяц, а где и 6 месяцев.

Но вот грянула революция в 1905 году. Осенью устраивались митинги, собрания... Стали собираться у Казанского собора студенты. Я в то время был без дела и ходил на Петербургскую сторону искать работы. Идя обратно по Марсову полю, увидел кучу людей, а посреди их курситску, жарко им что-то говорившую и размахивавшую руками. Мой товарищ, с которым я шел, говорит: «Пойдем, послушаем, о чем она болтает!» — А я в ответ: «Ишь, чорт, стриженая, смущает народ. Пойдем поскорее, а то еще наедут казаки и нам с тобой попадет».

Пришли домой, а нам и говорят, что, вот, мол, сегодня в вечерних газетах пишут про манифест... На утро читаем газету, а в ней манифест про четыре свободы...

Это было в октябре.

В эти дни начали организовываться рабочие профессиональные союзы и устраиваться общие собрания пекарей Петербурга. Первый раз присутствовал я на таком собрании на Боровой улице в чайной-кухмистерской. Организаторами этого собрания были: 1) Роберт (с.-д.), 2) Алексей Храмцов (с.-д.) [1]), 3) Павел Кокушкин (с.-д. меньшевик) и 4) помощник присяжного поверенного Федор Волкенштейн. Последний на этом собрании все ораторствовал и так разжигал массу, что некоторые плакали. На этом собрании мои глаза открылись, но еще не совсем, так как я еще не был в курсе дела рабочей борьбы.

Я был в числе первых сотен членов петербургского профессионального союза рабочих булочного и кондитерского цеха.

После 17 октября манифест отняли. Профессиональные союзы остались с куцыми хвостами. Мы при своем союзе летом 1906 года открыли общежитие булочников-пекарей на Лиговке в доме № 44, в котором было 19 комнат. Распределялись эти комнаты так: половину общежития занимали так называемые «немецкие» булочники (пекаря из немецких пекарен-булочных), а вторая половина была под «московскими» булочниками, затем была комната для игры в лото и шашки, ванная и комната для заведывающего с семейством. Заведывающий общежития был Роберт. В одно прекрасное время, весной 1907 г., Роберт взял 200 руб. у нашего казначея для уплаты за помещение и скрылся с ними. После этого случая наше общежитие распалось, и мы начали влачить жалкое существование до 1907 года. В этом году петербургские булочники стали собираться и выносить требование хозяевам о вольных квартирах и харчах. Не успели пекаря подать это требование в больших пекарнях, как их удовлетворили, но не то было в мелких пекарнях-булочных. Тут произошел раскол, как у самих рабочих-булочников, так и у хозяев. Филиппов, Крымзенков и Акинфиев удовлетворили требования своих рабочих, а Альбрант, Хлапов во главе с Ершовыми категорически отказали рабочим, стали набирать штрейкбрехеров, и забастовка, которая продолжалась $1^1/_2$ месяца, была рабочими проиграна. После этой забастовки наступила в рядах пекарей реакция, которая тянулась до 1912 года, в котором булочники-пекаря стали собираться опять и их союз стал вновь функционировать, помещаясь в Лештуковом переулке в доме № 13, под руководством соц.-дем. большевиков пекарей: Сафронова и Бориса Иванова. Союз стал крепнуть и расти. Помещение его оказалось мало. Перебрались на Лиговку в дом № 88, где квартировали вместе с профессиональным союзом портных. Выбрали правление, в которое вошли Василий Сафронов, Павел Синицин (с.-д. больш.) [2]), Илья Смирнов (с.-р.), Кузнецов (с.-д.), Павел Будаев (с.-д. больш.) и Борис Иванов. Председателем избрали Ил. Смирнова. Через полгода (осенью 1913 года) все правление было переизбрано на общем собрании, в виду

[1]) Храмцов в 1913 году открыл собственную пекарню в «Соляном Городке».

[2]) Впоследствии (в 1917 г.) был разоблачен, как провокатор, в 1913 году же подозревался в провокации.

того, что правление было разбито арестами. В новое правление вошли: Илья Андреев (с.-д. большевик), Фрол Заикин (сочувствующий с.-д. большевикам), Колесников (с.-р. максималист), Андрей Силин (с.-р. максималист), Исаев (с.-р.). Андреев был председателем и я секретарем. Но у нас не было руководителя союза, и вот, в начале 1913 года, правление пригласило делопроизводителем работника правления петербургского союза металлистов и редакционного работника «Правды» с.-д. большевика Георгия Шидловского, который поставил все дела союза на лад и начал вести партийную работу в союзе.

Вскоре Шидловский увлек в партийную работу как секретаря союза, так и все правление и даже отдельных членов союза с мест работы: булочника-пекаря Ивана Абрамова (с.-д. большевик), ныне председатель петроградского профессионального союза пищевкус, булочника-пекаря Федора Каблукова (с.-д. большевик), Хрулева Ивана (с.-д. большевик, пекарь-бараночник), пекаря-булочника Алексея Алексеева («Кривой», с.-д. большевик) и еще некоторых.

Шидловский с товарищами был везде по союзу: нужно было собрание проводить, он едет в пекарни на трамвае, вперед себя посылая секретаря союза и наказывая ему собрать пекарей где-нибудь в чайной. И, вот, в чайной он читает и доклад и затем проводит выборы районных старост для сбора членских взносов. Сразу стала заметной прибавка числа членов в союз, и касса союза начала пополняться.

В то время за Шидловским была большая слежка шпиков, и секретарь союза часто помогал ему избавиться от них, путем поездок и путешествий по проходным дворам и улицам, дабы не провалить союзного или партийного собрания или собраний о «ритуальном» убийстве в Киеве ворами Ющинского. Питерские булочники и бараночники, после докладов Шидловского, выносили ряд протестов против этого судебного процесса и напечатали их в газете «Путь Правды». Собрания эти часто проводились то в Лештуковом, то в Малковском, то в Гребецком общежитиях булочников, то в пекарнях во всех районах, то в чайных, то в общежитии бараночников на Обводном канале в районе Технологического института.

Тогда же союз начал проводить и всеобщую экономическую стачку пекарей во всем городе.

Так продолжалось до 1914 года.

С начала 1914 года правление союза булочников, бараночников и хлебников должно было быть переизбрано, и пока шло приготовление к общему собранию, в это время нагрянула в союз ревизия петербургского градоначальника в лице пришедших в союз помощника градоначальника, местного околоточного, городового и старшего дворника дома, где помещался союз. Увидав на столе большую кассовую книгу, ревизоры воскликнули: «Ого, тут надо сидеть за ней целую неделю!», и с разрешения секретаря союза они взяли с собой приходо-расходные книги союза и грос-бух и на извозчике увезли на «Гороховую 2», сказав, что союз получит ответ через неделю по телефону. И верно, через неделю вызывают по телефону

в градоначальство казначея правления союза Андрея Степанова (с.-р., булочник-пекарь), и меня, как секретаря союза, затем члена правления и члена ревизионной комиссии П. Синицына, — все четверо, захватив Г. Шидловского, явились на Гороховую. Там их всех стали «экзаменовать» по союзному грос-буху. «Это зачем, да это почему, и вот это что, да кому и за что дано и выдано?» Когда правленцами были даны ответы, книги вернули. И когда секретарь союза брал их бережно, то градоначальник заметил это и сказал ему: «Смотри, Зайкин, не урони, а то разобьешь и придется отвечать»...

Молча все вышли из градоначальства.

6-го января было общее собрание членов союза в Соляном Городке. Были и выборы в правление союза. В эти выборы попал в правление Вальдек Юргенсон (с.-д. большевик) [1]), который и был последним секретарем легального союза рабочих булочно-кондитерского и бараночного производства при царском режиме.

На этом собрании 6-го января был маленький инцидент. До выборов президиума собрания пока собирались пекаря, один из товарищей, булочник Петр Ежов, стал продавать конфискованный орган союза — журнал «Жизнь Пекаря».

Этот журнал как раз попал в руки помощнику пристава, который присутствовал на собрании и закричал во все зало: «Задержать мерзавца с газетой!» но Ежов во-время ушел, успев продать экземпляров 80 журнала. Тогда помощник пристава взялся за меня, как секретаря союза, как официального организатора собрания, начал на меня кричать и спрашивать, кто продавал журнал. Не добившись от меня нужного, помощник пристава сказал мне: «Ну, иди, ты будешь отвечать за то, что позволяешь продавать запрещенные газеты». Дабы не сорвать общее собрание, «Жизнь Пекаря» продавать перестали.

Некоторых ораторов ретивый помощник пристава раза 3 останавливал и грозил закрыть собрание, но все-таки собрание провели до конца. Он спрашивал фамилии ораторов. Выступавших на собрании докладчиков — Г. Шидловского и М. Квиринга удалось товарищам увести с собрания незаметно. После собрания один из ораторов-пекарей был арестован.

На этом собрании делали доклады Г. Шидловский — «отчет работы союза за 1913 г. и о забастовках пекарей», а Эммануил Квиринг (с.-д. большевик, работник с.-д. большевистской фракции Государственной Думы) [2]) — о страховании рабочих.

Прошло 2 недели после этого собрания.

18 января 1914 года союз был закрыт совсем, и нам пришлось вести союзную работу подпольно.

[1]) См. о нем некролог в «Спутнике пищевика» (календарь-справочник) на 1922 г., издан. в Москве Ц. К-том Всеросс. союза рабочих пищев. и вкусов. производства, стр. 129 — 131.

[2]) В 1922 — 23 г.г. член Ц. К-та К. П. (б.). У. и Ц. К-та РКП. (б.).

В этой подпольной работе участвовали в правлении: Андреев (с.-д.), Силин (с.-р.), Колесников (с.-р.), Исаев (с.-р.), Ежов (с.-д.), Павел Будаев (с.-д.), В. Юргенсон (с.-д.), Абрамов, (с.-д.), Каблуков (с.-д.), затем я и недолго Шидловский (последний был вскоре арестован). Все подпольные бумаги союза были у Силина, он же собирал вновь членские взносы и он же организовал тайные собрания вышеназванных товарищей. Так мы дотянули до апреля месяца.

16 апреля я поступил работать на Безбородкинский проспект в пекарню Н. Кошкина.

Проработал я там до 1-го мая, и мне удалось объединить по союзу все 4 булочные Ник. Кошкина (в 32 человека) вместе с 2 пекарнями брата Кошкина с количеством 35 человек; работал я в деле организации рабочих вместе с Абрамовым. Сговорились 1 мая подать хозяевам требование о вольных квартирах и харчах (все были на хозяйском). Но приказчик Кошкина, зная, что я «орудовал» в этом деле 1 мая, стал рассчитывать меня. Тогда рабочие вынесли еще одно требование — принять обратно меня на работу.

Когда рабочие подали требование приказчику, то он взял его из рук мальчика и бросил в помойное ведро, сказав: «Вот вам мой ответ». Узнав об этом, я разослал гонцов во все 4 булочные, чтобы они не приступали к работе, а в пекарни брата Кошкина, к тов. Абрамову пошел сам и сказал: «Мы пока уйдем, а вы работайте и в то же время не давайте работать на наших местах штрейкбрехерам». Абрамов, придя в пекарню к ним, сказал им, что здесь бастуют и работать нельзя. Двое послушались, ушли, а один остался. На помощь пекарям пришли рабочие с металлического завода. Как только штрейкбрехер вышел из ворот, рабочие металлисты избили его и подбежавшего городового и разбежались.

Прошло еще 7 дней. Хозяин упирался, но на переговоры вызвал. Бастующие стали сильно нуждаться в деньгах и стали приставать ко мне, чтобы им было разрешено пойти куда-нибудь поработать. Мы с Абрамовым сообща решили собрать однодневный заработок в пекарне у второго Кошкина и сбор выдали бастующим.

На другой день я, Силин и Абрамов решили созвать общее собрание пекарей выборгского района.

10 мая это собрание состоялось в лесу в Пискаревке (около Охты). Собралось всего человек 80. Собрание уже подходило к концу, когда собравшиеся увидели с двух сторон городовых. Все бросились врассыпную. Силин и я бежали вместе, добежали до Николаевского проспекта, перепрыгнули через канаву и вышли на дорогу. Силин сдал мне книги и дал сверток, завернутый в газетный лист и перевязанный бечевкой, и мы разошлись. В этот момент из леса показался городовой, который арестовал меня, вырвав из рук книги и бумаги подпольного союза пекарей.

В Полюстровском полицейском участке, куда привели меня, пакет был вскрыт, и там оказались бумаги подпольного союза пекарей, и меня посадили за решетку. После допроса вечером пристав позвонил в градоначаль-

ство. Ему ответил как раз тот помощник градоначальника, который делал ревизию в союзе в начале 1914 года. После телефонного разговора было приказано меня отпустить, а бумаги, отобранные у меня, направить к следователю.

Окончив разговор по телефону и закуривая папиросу и просовывая другую за решетку мне, пристав промолвил: «Вот, Заикин, о тебе градоначальник дает хороший отзыв и велит тебя выпустить, а куда я тебя выпущу в 12 часов ночи. Ты ведь не прописан. Хорошо дворник пустит, а ежели нет, то ты опять будешь в участке, так лучше ночуй у нас, а завтра утром пойдешь с богом».

Утром на другой день меня повели в сыскное, а оттуда опять в Полюстровский участок. Вечером пристав пришел в участок и закричал на дежурного околоточного: «Да что вы держите Заикина? Вам-то влетит и мне попадет из-за него! Возьмите с него подписку, что он пропишется где-нибудь». После этого меня выпустили на волю, и я поспешил оповестить замешанных в деле хранения подпольных бумаг Силина, Абрамова, Колесникова и Исаева. 12 мая все эти товарищи успели скрыться.

Хозяин пекарни Кошкин за эти дни призвал к себе рабочих и дал им и вольные квартиры и харчи, и взял меня обратно на работу.

Спустя 2 недели я и Абрамов провели забастовку у второго Кошкина (2 пекарни с 35 пекарями). У первого Кошкина рабочие бастовали 13 дней, а у второго Кошкина бастовали $1^1/_2$ месяца. В продолжение этого времени мне приходилось, для поддержания бастующих товарищей, занимать, где можно было, деньги и собирать их у металлистов, печатников, булочников и других.

Когда оказалось, что помощи ждать было больше не от кого, тогда решено было отпускать работать тех бастующих, кто был беднее всех и семейных: находили такому место и посылали на работу. Но как ни бедствовали бастующие, а все-таки победили, и недели за 2 до империалистической войны хозяин позвал бастующих и удовлетворил все их требования.

Опять закипела работа в пекарнях.

Но не успели опомниться, как вспыхнула война. Абрамов и я стали тогда производить сбор однодневного заработка по пекарням (бастовавшим) и наделять деньгами уезжавших на фронт. Тем же, кто не хотел ехать воевать и убивать самого себя и других, тем давали кров там, где можно было жить и работать. У меня самого была конспиративная квартира (на Выборгской стороне, по Варваринской ул., в д. № 24), в которой можно было прописаться по «капустному листку» (фальшивый паспорт) и собираться.

На этой квартире устраивались партийные собрания, вечеринки политическо-литературного характера.

На этой квартире жили нелегальные с.-д. большевики: Кузьма Теркин, Львов (бараночник), Скориков (булочник), Борис Иванов (булочник), Иван Мельников, Ив. Хрулев (бараночник) и др.

В 1917 году, в февральскую революцию, на этой же квартире я давал приют убегавшим из полков солдатам...

...23 февраля днем я шел с Сергеем Козловым (булочник, беспартийный, впоследствии член РКП) из города на Выборгскую сторону. Около «Нового Арсенала» мы увидели идущих с красным флагом женщин и поющих марсельезу. Около Безбородкинского проспекта толпа увеличилась. Подойдя к заводу «Феникс», демонстранты стали стучаться в ворота завода: «Открывайте, выходите на улицу!» Рабочие завода «Феникс» не заставили себя долго ждать, вышли все, как один. Вышел и металлический завод.

Появились конные городовые и стали разгонять демонстрацию, но неудачно.

На другой день рабочие стали сходиться на Безбородкинском проспекте. На этот раз появились казаки и стали разъезжать вдоль проспекта. Один околоточный (Цветков) захотел показать свою власть, но рабочие, раньше не долюбливавшие его, успокоили его разом — на-смерть, зарубив его — его же шашкой.

Вскоре стали выбирать районные управы, и я попал членом управы в рождественский район через свой профессиональный союз, а в 1917 году поступил пекарем к Филиппову на Песках, где работал до сентября.

27 августа 1917 г. рабочие посылали меня в Москву делегатом по делу ликвидации филипповских пекарен. Приехал я обратно в Петроград 1 сентября и принял пекарню. Управа сперва не хотела брать пекарни, а так как я был членом управы, то мне удалось настоять, чтобы пекарню отдали рабочим. Меня назначили заведующим пекарней. Не было ни муки ни дров. Вместе с Козловым приходилось покупать на свои деньги дрова или занимать их. И так бились $2^1/_2$ месяца. Наконец центральная управа поставила над всеми филипповскими пекарнями заведующим Третьякова, и я был смещен, как малограмотный [1]).

Фрол Заикин.

---

[1]) К этому времени, кстати, в петроградском профессиональном союзе пекарей уже выбрали правление, председателем которого был Александр Красов (член РКП).